

Глава 7. Господин

Следующий день выдался таким же солнечным.

Не менее жаркими были и споры горожан. После введения комендантского часа торговцы, стремясь заработать, с самого утра наперебой выставляли свои лотки.

Солнце ещё не показалось из-за облаков, а улицы уже наполнились жизнью.

Новость о том, что казна нуждается в пожертвованиях, с молчаливого одобрения властей разнеслась по городу и стала главной темой для обсуждений.

Большая часть слухов была правдой, лишь с небольшими искажениями.

Например, двору нужен был герой, и чтобы подчеркнуть щедрость государя, в нынешней версии истории Жун Цзюань не просил охранную грамоту, а получил её по доброй воле императора.

Узнав, что он собирается пожертвовать все свои спасительные лекарства, народ был потрясён.

— Кстати, Управление по надзору выяснило правду и по делу об убийстве. Оказывается, тот человек умер от внезапной остановки сердца.

— Не совсем так. Говорят, в подвале его дома нашли кучу денег.

— Ого, значит, деньги нечистые.

— Естественно! Сказано же, в подвале спрятал.

— А ещё подтвердилось, что младший господин Жун отравлен и не может иметь детей. Какое там приставание к женщине, его явно подставили. Может, тот покойник и был нанятым убийцей.

Люди, казалось, забыли о прошлых проступках Жун Цзюаня и с упоением обсуждали политические интриги, чувствуя, как от этого повышается их собственный статус.

— Добро всегда вознаграждается. А мы-то как ошибались на счёт господина Жуна.

— Жаль, свидетелей нет. Управление по надзору закрыло дело. Бедный юноша.

— А кто за всем этим стоит, и так понятно, — один из торговцев картинами многозначительно подмигнул.

Говорить вслух боялись, но все понимали, что к этому делу причастна жена Правого канцлера.

Трудно было представить кого-то ещё, кто мог бы годами подсыпать яд. А раз уж она пошла на отравление, то и нанять убийцу для неё — раз плюнуть.

В знатных домах свои тайны.

Слухи о резиденции канцлера и до этого ходили не самые приятные, но их удавалось замять.

Но когда Чжэн Вань услышала, что теперь её открыто обвиняют в безнравственности и организации убийства, у неё потемнело в глазах. Пожилая служанка вовремя подхватила её.

— Госпожа!

Даже пудра не могла скрыть усталости в глазах. Жемчуг и нефрит в волосах тяжело качнулись.

— Я была неосторожна.

Прежде она всеми силами мешала мужу брать наложниц. В поместье были лишь бесправные служанки, поэтому, когда случилась беда, все подозрения пали на неё.

Знала бы раньше, возвысила бы одну из наложниц, чтобы в нужный момент было на кого свалить вину.

— Не стоит так переживать, — сказала служанка, сообщив, что одна из наложниц уже «покончила с собой из-за угрызений совести», оставив предсмертную записку. Причина была вполне правдоподобной: в прошлом юный господин толкнул её, когда она была беременна, что привело к выкидышу.

Это не было выдумкой. Хотя в той истории и не обошлось без интриг Чжэн Вань, но толкнул женщину действительно юный господин.

— Главное, перед господином держитесь спокойно.

Вернувшись вчера вечером, Правый канцлер был явно не в духе и всю ночь провёл в кабинете.

Чжэн Вань знала своего друга детства лучше, чем кто-либо.

— Речь идёт о чести нашего дома, — тихо сказала она. — Поверит он или нет, но разбираться не станет.

Её муж был слишком скрытен. Единственной её опорой в будущем мог стать только сын.

В глазах Чжэн Вань снова зажглась надежда:

— Говорят ли что-нибудь о Суй-эре?

Жун Хэнсуй отправился в поездку с отцом, чтобы подготовиться к поступлению на службу.

Нынешний император не одобрял, когда отец и сын служили при дворе одновременно. Чтобы получить назначение, юноша до сих пор не сдавал государственные экзамены, ожидая подходящего момента.

Жун Хэнсуй унаследовал от отца бессердечие и был безжалостен даже к себе.

Он последовал совету одного из своих наставников и в городе Дин намеренно раскрыл свою личность, чтобы получить ранение от мятежников.

Парень рассчитывал, что после этого чиновники из фракции его отца будут расхваливать его перед императором, и он попадётся на глаза государю.

Замысел был хорош. Факт его ранения при защите улики действительно был упомянут в докладе, и при обычных обстоятельствах император непременно заинтересовался бы его здоровьем и послал бы награду.

Но вчера все заслуги семьи присвоил себе Жун Цзюань.

Теперь все мысли императора были заняты сбором жертвований. Мятежный князь был схвачен, бунт подавлен, и столь же бессердечный государь давно забыл о сыне одного из своих сановников.

А простые люди, вместо того чтобы обсуждать его подвиги, с большим интересом судачили о грязных тайнах резиденции канцлера.

Увидев, как служанка мнётся, Чжэн Вань всё поняла.

— Негодяй!

Накопившееся за последние дни раздражение вырвалось наружу. У неё схватило сердце, и она

потеряла сознание.

— Скорее! Зовите лекаря! — в ужасе закричала служанка.

В поместье поднялся переполох. Жун Хэнсуй, отдохавший после ранения, услышал шум и, опираясь на слуг, вышел из комнаты.

— Что случилось... Матушка!

Пока в резиденции канцлера царил хаос, кое-кто ещё нежился в постели.

Утреннее солнце мягко согревало комнату, его лучи ложились на кровать. Здесь было прохладно даже летом благодаря тенистым деревьям снаружи.

«Коу-Коу, поставь будильник через десять минут»

Охранная грамота, или «киноварная грамота на железной дощечке», требовала сложной процедуры регистрации, прежде чем её могли вручить.

После внесения в реестр Министерства ритуалов её должен был доставить лично дворцовый слуга.

Это означало, что сегодня утром Жун Цзюаню предстояло принять императорский указ.

Он любил поспать, и сейчас, обняв лёгкое шёлковое одеяло, беззаботно раскинулся на кровати. Штанина его брюк задралась до колена, но он и не думал её поправлять.

[Хорошо... zZZ...]

Десять минут спустя их обоих оглушил звон в голове.

«Голова кружится... — Жун Цзюань зарылся лицом в подушку. — Коу-Коу, разбуди через пять минут»

Пяти минут ему хватит, чтобы собраться.

[Угу... zZZ...]

«Ещё пять минуточек» — величайшая ложь в истории человечества. Разумеется, когда прибыл гонец с указом, юноша в спешке умывался мокрой тряпкой.

Увидев его растрёпанные волосы и капли воды на щеках, евнух помрачнел.

Жун Цзюань опередил его:

— Утром не выпил лекарство, совсем нет сил. Весьма пристыжен.

Он и так был худ, а сейчас, слегка покачнувшись, и вовсе казался смертельно больным.

Недовольство евнуха тут же сменилось сочувствием.

Зачитав указ, они обменялись несколькими любезностями, и неприязнь гонца окончательно улетучилась. Он ощущал какое-то необъяснимое равенство в общении с этим юношей, и даже то, что тот не дал ему на чай, не показалось ему странным.

Жун Цзюань принял грамоту, похожую на изогнутую черепицу, и проводил евнуха взглядом.

Стоило ему обернуться...

Гу-у-у...

Прямо на него нёсся попугай.

«Убийца!» — Жун Цзюань широко распахнул глаза.

В следующую секунду перед ним мелькнула тёмная тень.

Прежде чем дерзкая птица успела вцепиться ему в лицо, тень метко схватила её за крылья. Попугай заверещал в воздухе.

— Гу-гу-гу, гу-гу.

— Благодарю за спасение моего лица, — с облегчением выдохнул Жун Цзюань, глядя на барахтающуюся птицу.

Присмотревшись, он замер.

— Генерал Се?

Се Яньчжоу держал попугая, который, похоже, перебрал тонизирующего отвара и теперь был полон энергии, и безразлично смотрел на юношу.

Жун Цзюань в недоумении потёр нос.

Он был уверен, что в радиусе трёх метров никого не было. Появиться так быстро можно было, лишь используя цингун.

Эта мысль заставила его улыбнуться, и он даже простил попугая за нападение. Враг его отца — Правого канцлера — спас его, значит, его мнение о нём изменилось.

Именно этого Жун Цзюань и добивался.

Если не будет вторжения, то неважно, кто станет императором. С военной мощью и талантом Се Яньчжоу он наверняка дойдёт до финала.

К тому же, для Великого инспектора он был приёмным сыном лишь на словах, а генерал — настоящим.

Так что их хорошие отношения были ему только на руку.

— Похоже, ты так и не поумнел, — с иронией произнёс Се Яньчжоу.

Стоять лицом к лицу и умудриться витать в облаках. Неудивительно, что на него нападает даже птица.

Жун Цзюань наконец обратил внимание на виновника переполоха.

— Попугай-шкаф?

Дворецкий поспешно принёс клетку, но попугай, сочтя её слишком маленькой, наотрез отказывался туда залезать.

Он вцепился когтями в жёрдочку, сложил крылья, и его грудь выпятилась колесом. С первого взгляда он и впрямь походил на карикатурного качка из комиксов.

Се Яньчжоу не понял, что сказал гость, но уловил суть. Попугай и вправду был невероятно упитанным, причём не просто жирным, а каким-то мускулистым. Иначе как бы он смог открыть клетку и выбраться?

В душе Жун Цзюань мечтал быть высоким и сильным.

— Чем вы его кормите? — с энтузиазмом спросил он. — Я мог бы улучшить рецепт.

« Попрошу Систему изучить, я тоже хочу стать таким же широкоплечим »

Лицо Се Яньчжоу, обычно холодное, при этих словах приобрело странное выражение.

Жун Цзюань вдруг внимательно оглядел его с ног до головы.

Он снова позарился на еду в резиденции генерала. Должно быть, кормят тут отменно, иначе откуда бы генерал вырос таким высоким?

Юноша не верил в генетическую предрасположенность к росту. К тому же, Жун Чэнлинь тоже был высоким, так почему он должен быть низким?

— Вашим слугам, наверное, хлопотно готовить несколько раз в день. Может, я буду обедать вместе с генералом? Постараюсь дорасти до ста восьмидесяти сантиметров, пока не умер.

Молодой, красивый юноша в разгар лета с улыбкой говорил о собственной смерти.

Се Яньчжоу нахмурился.

— Я слышал, сыновей в поместье канцлера обучают с ранних лет. Неужели тебя не научили избегать дурных примет?

Он слишком долго пробыл в армии, и его речь была резкой и прямой. Увидев, что собеседник, кажется, испугался, он смягчил тон, но слова его по-прежнему были остры, как лезвие:

— Ты сможешь проснуться?

Какой практичный вопрос.

Одержимый идеей вырасти, Жун Цзюань решил постараться.

— Тогда я буду спать на полчаса дольше каждый день, как раз к твоему обеду.

— ...

Жун Цзюань всегда держал слово. На следующий день он действительно успел к обеду Се Яньчжоу.

Может, он и принимал желаемое за действительное, но после пира ему казалось, что все в резиденции генерала, включая самого хозяина, стали относиться к нему дружелюбнее.

Например, еда. Если в первый день на столе были в основном мясные и острые блюда, то теперь всегда подавали два варианта: лёгкий и острый, чтобы угодить и ему, и генералу.

— Обед «инь-ян», — заметил Жун Цзюань.

Стоявшая рядом служанка покраснела.

— Что за вздор ты несёшь? — отрезал Се Яньчжоу.

— А разве это не то же самое, что и котёл «инь-ян» для хого? — удивился юноша.

— ...

Но жизнь, состоящая лишь из еды и питья, пуста. Человеку нужна и духовная пища.

После обеда Жун Цзюань занялся плагиатом. Он переписал одну мелодию и, разузнав адреса, созвал своих бывших дружков, тех, что подбивали его на дурные поступки, в таверну.

С тех пор как репутация молодого господина улучшилась, его завистливые приятели думали, что он наконец взялся за ум. Но он позвал их слушать музыку.

Зазвучала переделанная версия «Посвящения любви». Рассказчик в нужный момент начал повествование о павших воинах, и Жун Цзюань во второй раз призвал всех к пожертвованиям.

Принцип был прост: раз уж я пожертвовал, то и вы не отставайте.

Поначалу жертвовали немного, но он был настойчив. Он делал это снова, и снова, и снова.

Родители этих бездельников даже поощряли их встречи, надеясь через него выведать что-нибудь о делах в генеральском поместье.

Так, мало-помалу, Жун Цзюань собрал приличную сумму.

Делить деньги самому ему было лень, поэтому, собрав пожертвования, он сел в паланкин и отправился в Управление по надзору.

В столице было лишь одно место, которое все обходили стороной. Управление по надзору, эта сложная и демонизированная структура, обычно не принимала посетителей.

Сюэ Жэнь в синем халате и тонких перчатках из овечьей кожи, испачканных кровью, стоял у входа. Стражники старались не смотреть в его сторону.

Помимо вскрытий, он был мастером допросов.

В Управлении появился предатель, и мужчина только что закончил допрос. На его одежде виднелись пятна тёмной, дурно пахнущей крови. От его интеллигентного вида, который он демонстрировал, подрабатывая судмедэкспертом, не осталось и следа.

Он привык к испуганным взглядам, но тут до него донеслась весёлая песенка.

— На обочине я нашёл двадцать тысяч лян и отдал их дяде Сюэ в руки... Эй, судмедэксперт Сюэ!

«Дядя?!»

Лицо Сюэ Жэня исказилось. Когда он бросил наглецу ядовитый взгляд, паланкин остановился прямо перед ним.

Жун Цзюаню было лень делать даже шаг.

Он уже успел изучить структуру Управления и его ключевых сотрудников. Протянув пачку ассигнаций, он с улыбкой пропел:

— Дядя, возьми деньги, раздели поровну и раздай старым солдатам в столице. До свидания, дядя.

Занавеска опустилась. Носильщики, в отличие от хозяина, искренне боялись Сюэ Жэня и тут же бросились наутёк.

Паланкин действительно появился и исчез, как ветер.

Всё произошло так быстро, что казалось сном.

Стражник у ворот открыл рот, но смог прийти в себя лишь спустя долгое время.

— Господин, — не удержался он, — вы действительно собираетесь делить эти деньги?

Сюэ Жэнь, вытряхнув из головы навязчивую мелодию, оскалил белые зубы.

— Этот сопляк ещё будет мне указывать?

Стражник недоумённо посмотрел на ассигнации в его руке.

— Дурак, ты что, не взял бы деньги, которые тебе суют?

— ...

— Так что, господин, может, бросить их ему обратно и обвинить во взяточничестве?

— С твоими мозгами ещё и за других заступаться? — холодно посмотрел на него Сюэ Жэнь.

Взятка могла коснуться и его самого. Собеседник явно хотел, чтобы он спустил дело на тормозах.

Стражник виновато улыбнулся.

Пенсии ветеранам не выплачивали уже два года. Если кто-то готов был закрыть эту дыру, это было только к лучшему.

Глядя на толстую пачку ассигнаций, Сюэ Жэнь с головной болью произнёс:

— Ладно, позовите счетовода. Сначала всё разменяем, а потом разделим по списку.

Стражник, видя, как Сюэ Жэнь в своих окровавленных перчатках пересчитывает деньги, и вспоминая его прозвище «Призрак в человеческой коже», всё же сказал:

— А этот юноша не так уж плох.

Что до слухов, то и об их Управлении говорили не лучше.

Сюэ Жэнь не стал спорить:

— Этот сопляк — хитрый лис.

Не только хитрый, но и ленивый.

Он был уверен, что, учитывая отношения между Управлением и резиденции генерала, Сюэ Жэнь не посмеет присвоить деньги, и пришёл за бесплатной помощью.

Причина была ясна... Канцлер Жун всё ещё злился, и юноше, похоже, придётся ещё некоторое время пожить в резиденции генерала.

Кто платит, тот и заказывает музыку. На пиру он пожертвовал лекарства, теперь — деньги. Се Яньчжоу, узнав об этом, вряд ли станет его притеснять.

Однако...

— А это его лекарства и деньги? — задумался Сюэ Жэнь.

От денег пахло пудрой. Так пахнет от тех, кто часто посещает весёлые кварталы. Он много слышал о том, как Жун Хэнсун приставал к женщинам, но ни разу не слышал, чтобы он ходил в бордели.

Тем временем Жун Цзюань, привлечённый запахом вонтонов, решил перекусить у уличного торговца.

Из игорного дома вышел сын одного из чиновников. Увидев это ненавистное лицо, он засучил рукава.

Заметив его грозный вид, Жун Цзюань отложил палочки и затянул колыбельную «Посвящение любви».

Рука чиновника, собиравшегося его ударить, невольно потянулась к кошельку. Опомнившись, он едва не ударил себя по лицу.

«Проклятье! Теперь, как только я слышу эту мелодию, мне кажется, что нужно жертвовать деньги»

Подняв голову, он увидел, что Жун Цзюань исчез.

— Куда он делся? — взревел он.

Юноша был уже далеко.

Носильщики несли паланкин ровно. Жун Цзюань, сытый и довольный, погладил свой слегка выпирающий, как у дельфина, живот.

— Хорошо.

[Почему как у дельфина?] — высунулась Система.

— Потому что у меня такой же прекрасный голос, как у дельфина.

[...]

«Для них ты скорее сирена, завлекающая моряков на верную гибель»

Жун Цзюань сделал вид, что не слышит.

Трагедия его предшественника заключалась в том, что в поместье его медленно убивали попустительством, а дружки лишь подливали масла в огонь. Теперь, немного отомстив им, он, можно сказать, отдал долг за заимствованное тело.

На душе стало легко.

Следующие четыре-пять дней Сюэ Жэнь был занят распределением пенсий. Он намеренно не говорил, что это заслуга Жун Цзюаня, желая присвоить славу себе и позлить юношу.

Молодые люди вспыльчивы. Он ожидал, что тот явится с гневными упрёками, но, наведя справки, узнал, что парень каждый день на личном паланкине ездит в таверну, а по возвращении играет с попугаем. Говорят, он даже купил много цветов и расставил их во дворе, чтобы любоваться ими, не выходя из дома.

Очевидно, слава его нисколько не волновала.

Мысль о том, что какой-то бездельник живёт в своё удовольствие, в то время как он, Сюэ Жэнь, работает сверхурочно, взбесила мужчину до крайности.

День был ясный и тёплый. Жун Цзюань с удовольствием играл с попугаем.

Он уже немного подружился с «попугаем-шкафом». Это был самец, умный и ручной. Жун Цзюань назвал его Братец Стронг.

Система же в это время любовалась «Свитком тысячи красавиц» — стометровым полотном, на котором были изображены красавицы-системы. Все они были круглыми, и у многих был только рот.

Жун Цзюань однажды видел этот свиток. Зрелище было жуткое.

Система решила поболтать с ним.

[Я сегодня утром гуляла по улицам и слышала, как в таверне старые солдаты тебя хвалили]

Любовавшийся цветами юноша почувствовал, что они больше не пахнут.

— Почему Сюэ Жэнь не воспользовался этой возможностью? — вздохнул он.

Слишком громкая слава рано или поздно станет бременем. Он не хотел слушать хвалебные речи о своей добродетели.

Он не знал ответа, а Система — и подавно.

Солнце клонилось к закату. От чайного сервиза поднимался ароматный пар. Проведя ещё один день в блаженной лени, Жун Цзюань, прикрыв глаза, слушал убаюкивающее поскрипывание кресла-качалки.

— Все заняты, и лишь я один свободен, — протянул он. — Прекрасно.

Не успел он договорить, как его прервали чьи-то торопливые шаги. Прежде чем он успел открыть глаза, перед ним мелькнула фигура дворецкого.

«Куда он так торопится?»

«В его возрасте, — подумал юноша, — пора бы уже научиться отлынивать от работы»

Дворецкий направлялся прямо к нему.

— Молодой господин, хватит качаться, скорее идите принимать указ.

Ничего не понимающего Жун Цзюаня подняли и повели во двор. Там его ждал уже знакомый длиннобровый евнух. На этот раз его отношение к юноше было заметно более уважительным.

— Господин Жун, какая радость!

«Господин... Жун?»

«Это он ко мне?»

Прежде чем Жун Цзюань успел опомниться, евнух, войдя во двор, развернул жёлтый свиток и торжественно начал читать:

— ...Сим уведомляем, что Жун Хэнсун, следующий ритуалам и справедливости, почитающий мораль, обладающий высокими душевными качествами и великим сердцем, назначается помощником министра в Министерстве ритуалов для содействия в повседневных делах.

Они стояли близко, но слова евнуха звучали как гром с ясного неба, оглушая и опалая.

Каждое слово было ему знакомо, но, сложившись в предложение, они казались сном.

Он прикусил язык. Нет, не сон. У Жун Цзюаня перехватило дыхание.

Настоящий удар молнии!

Тяжёлый свиток лёг ему в руки, и парень наконец пришёл в себя.

«Этот пёс-император совсем спятил?»

Прежде чем он успел осознать политическое значение этого назначения, длиннобровый евнух спустился со ступеней и с улыбкой подошёл к нему.

— Поздравляю, господин Жун. Это неслыханная честь.

Помощник министра в Министерстве ритуалов был чиновником шестого ранга. В придворной иерархии из девяти рангов пятый был переломным. Но чтобы кто-то моложе двадцати лет получил шестой ранг — такое среди гражданских чиновников было крайне редко.

Жун Цзюань схватился за грудь, тяжело дыша.

У него теперь есть работа!

Работа с девяти до пяти! Работа, от которой отказалась бы даже Коу-Коу!

Видя, как он задыхается, евнух, поглаживая свои длинные белые брови, сказал:

— Смотрите, как вы взволнованы.

«Нужно будет непременно доложить Его Величеству, что молодой господин Жун от волнения чуть не лишился чувств, принимая указ»

Тем временем жена Правого канцлера, едва оправившаяся от предыдущего удара, услышав о назначении пасынка, застыла, словно поражённая молнией.

— Мой сын, чтобы получить должность, подставился под нож, а этот смертник... за что, за...

Не договорив, она снова лишилась чувств.

<http://bllate.org/book/15979/1442351>